

М. А. ПОПОВСКИЙ

ЖИЗНЬ И ЖИТИЕ

СВЯТИТЕЛЯ ЛУКИ

Войно-Ясенецкого,
архиепископа и хирурга

Марк Поповский

**Жизнь и житие святителя
Луки Войно-Ясенецкого
архиепископа и хирурга**

Православное издательство "Сатисъ"

2002

Поповский М. А.

Жизнь и житие святителя Луки Войно-Ясенецкого архиепископа
и хирурга / М. А. Поповский — Православное издательство
"Сатись", 2002

ISBN 5-7373-0121-4

Мы предлагаем Вам, благочестивый читатель, труд о земной жизни и страданиях святителя Луки (Войно-Ясенецкого), во святых прославленного Церковью, и великого хирурга. Перед Вашим взором предстает многоскорбный путь чрез море житейское, воздвигаемое зря напастей бурю – путь истинно христианский. Молитвами и любовью святителя да исцелит нас Господь от болезней душевных и телесных! Книга напечатана с некоторыми сокращениями.

ISBN 5-7373-0121-4

© Поповский М. А., 2002
© Православное издательство
"Сатись", 2002

Содержание

Предисловие	7
Пролог	9
Глава первая. В исторической тени (1877–1917)	10
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Марк Поповский
Жизнь и житие святителя Луки Войно-
Ясенецкого, архиепископа и хирурга

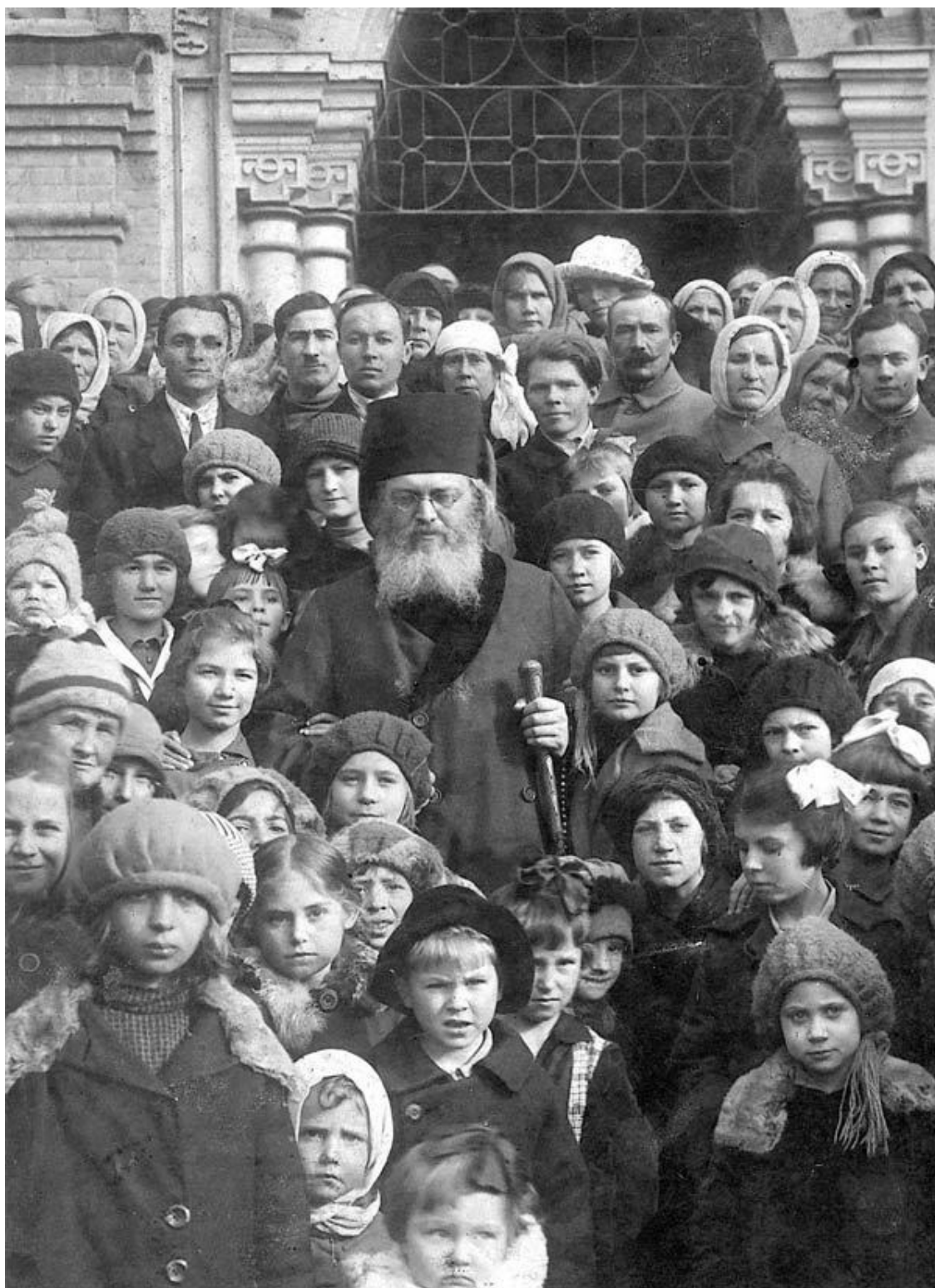
© М. А. Поповский, 2002

© Издательство «Сатисъ», 2017

*По благословению митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского ВЛАДИМИРА
(ныне на покое)*

Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви

* * *

Фотография из архива о. Владимира Каменского предоставлена проф. С. А. Грибом.

Предисловие

*Из письма свт. Луки сыну Михаилу от 22 марта 1943 г.:
«А в служении Богу – вся моя радость, вся моя жизнь, ибо глубока
моя вера».*

«Жатвы много, а делателей мало...» – эти евангельские слова для архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого) стали в молодости первым Божиим призывом на служение Ему. «У меня буквально дрогнуло сердце, я молча воскликнул: "О Господи! Неужели у Тебя мало делателей?!"» – вспоминал позднее святитель. Господь даровал ему – в ответ на движение сердца – быть делателем. В XX веке жатва была обильно полита слезами, потом, кровью христиан; и делателям Господь давал силы для возделывания жатвы, для крестного подвига. Ибо только со Христом, не сходя с Креста, можно вступить на эту жатву, принять на себя – делание.

Подвиг исповедничества и мученичества – это не только *гибель* во Имя Христово: в застенках НКВД – ГПУ, в неведомых ссылках и лагерях; подвиг исповедничества и мученичества – это и *жизнь* во Имя Христово. Тысячи и тысячи христиан на Руси несли в XX веке этот подвиг тайно; но многие – явно. Служили в уцелевших храмах, открыто исповедали Христа – не только проповедью, да и проповедь была запрещена, но самой жизнью: крепостью, бесстрашной верой и любовью. Такой путь исповедничества был принят ими во имя великой цели: сохранить на Руси возможность не только тайного, но и явного, открытого служения Божественной Литургии. Их служение было открытым, а скорби, слезы, мучения, крестношение – тайным.

Святитель Лука отошел ко Господу в 1961 году, будучи архиепископом Симферопольским и Крымским. К тому времени он был удостоен высочайших церковных и светских наград. Святитель был членом Священного Синода. Патриарх Алексий I наградил его высокой церковной наградой – правом ношения бриллиантового креста на клобуке, он был окружен любовью и заботой паствы...

Гениальный хирург, святитель Лука был удостоен Сталинской премии 1-й степени за выдающиеся достижения в медицине, в 1946 году он увидел второе издание своего главного труда «Очерки гнойной хирургии», но, принимая от мира эти почести, почтенный архиерей *так* проходил до конца свой крестный путь. Резкий, горячий по натуре своей, сколько раз он говорил и писал о том, что в этом мире ему было бы легче – не смиряться и терпеть, а обличать неправду и воевать с ней. Но – смирялся и терпел... Потому что в этом – верил он – и есть исполнение того призыва Божиего, который услышал он в юности.

Столь глубокое осознание всеблаготворной воли Божией поразило Марка Александровича Поповского, автора этой книги, во время первой встречи со святителем Лукой. Владыка просто знал, что всё – аресты, лагеря, его деятельность хирурга, его архиерейство – всё по воле Божией.

Марк Поповский в ту пору – 1957 год – был журналистом, собирал материалы о выдающихся личностях, писал о Вавилове; однажды он был поражен, увидев фотографию ученого в рясе. Так начиналась книга, ставшая главной в судьбе М. А. Поповского; она открыла читателю – впервые – необыкновенную судьбу святителя-хирурга; работа над книгой привела автора к вере. Труд М. А. Поповского увидел свет в 1979 году во Франции; затем, в 1990 году, его фрагменты были опубликованы в России, в журнале «Октябрь»; позднее книга была издана в Америке. Она несет на себе отпечаток своего времени, отпечаток личности автора. Святитель Лука – внутрицерковный, глубокоцерковный человек, и потому все беды, все немощи Церкви – это его беды и немощи, которые исцелить можно только смирением и любовью. Марк Поповский – журналист, в ту пору только вступивший на путь веры, ему многое непонятно, чуждо; его

язык и стиль полны зачастую полемики и резкости. . . В книге встречались неточности, которые сейчас исправлены. Внук святителя Луки, В. А. Лисичкин, изучил и опубликовал документы из архивов КГБ, и мы знаем теперь, что против святителя Луки было заведено не три уголовных дела, а шесть. Многие уточняются, дополняются. . . Но книга, которую вы сейчас держите в руках – «Жизнь и житие святителя Луки Войно-Ясенецкого архиепископа и хирурга» – была первой¹. С нее, действительно, начинается собирание материалов о святом, ныне канонизированном Русской Православной Церковью.

От издателей

---

¹ Перед Вами сокращенный вариант книги М. А. Поповского.

Пролог

Войно-Ясенецкий Валентин Феликсович. Родился в 1877 г. в Керчи. Умер 11 июня 1961 г. в Симферополе. Хирург, доктор медицины. До 1917 г. – медик в ряде земских больниц средней России, позднее – главный врач Ташкентской городской больницы, профессор Среднеазиатского государственного университета. В начале двадцатых годов, под именем Луки, постригся в монахи, был рукоположен в сан епископа. Многократно подвергался арестам и административным ссылкам. Автор 55-ти научных трудов по хирургии и анатомии, а также десяти томов проповедей. Наиболее известна его книга «Гнойная хирургия», выдержавшая три издания (1934, 1946, 1956 гг.). Избран Почетным членом Московской Духовной академии в Загорске. Награды: Премия Хойнатского от Варшавского университета (1916 г.), Бриллиантовый крест на клобук от Патриарха Всея Руси (1944 г.), медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» (1945 г.), Сталинская премия Первой степени за книги «Гнойная хирургия» и «Поздние резекции при огнестрельных ранениях суставов» (1946 г.). Умер Войно-Ясенецкий в сане архиепископа Крымского и Симферопольского².

---

² В 1995 году Крымская епархия причислила архиепископа Луку к лику святых; в 1996 году его святые мощи были перенесены в кафедральный Свято-Троицкий собор г. Симферополя; в 1999 году святителя прославила Красноярская епархия; а в августе 2000 года на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви архиепископ Симферопольский Лука был причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских для общецерковного почитания.

Глава первая. В исторической тени (1877–1917)

Земную жизнь пройдя до половины, я в лес вступил...
Данте. «Ад»

В Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона говорится: «Войно-Ясенецкие – польские дворяне, герба Трубы, ныне состоящие в русском подданстве. Род этот русского происхождения, известен с XVI века...»³ Книга «Гербник Польский» поясняет, что Войно-Ясенецкие (Wojna Jasieniecki) происходят из русских князей, из Руси, а не из России⁴. Как князья эти попали на службу к польским королям – неизвестно. Возможно, что они оказались в плену во время бесконечных стычек на спорных землях Украины и Белоруссии, а может быть, и сами предложили свои услуги одному из монархов Речи Посполитой. Так нередко бывало и до князя Курбского и после него. Во всяком случае, род этот находился в большой чести. Константин Войно-Ясенецкий был воеводой на Луках, его сын Иван – воеводой Смоленским, сын Ивана – Александр – войсковым Витебским, подвоеводой Виленским. В течение почти двух столетий мы находим имена Войно-Ясенецких среди придворных польских и литовских властителей, на высоких военных и административных должностях. Все эти местники, стольники, каштеляны, чаши, скарбники и подскарбники владели изрядными имениями в нынешней Белоруссии и Западной Украине. С конца XVII века, однако, должности, которые занимают Войно-Ясенецкие, начинают мельчать, род бледнеет. Похоже, что какой-то незримый червь изгрызает корни мощного генеалогического древа. В начале XVIII столетия потомки воевод и вельмож становятся прапорщиками Королевской гвардии, священниками, судьями.

В 1839 г. в Липецке вышел четвертый том геральдики польских дворянских родов. Составители книги, описывая герб Войно-Ясенецких (на красном поле сломанные стрелы, над ними полумесяц со звездой), спорили о том – три или пять страусовых перьев должно венчать шлем над щитом герба. Но здравствующим Войно-Ясенецким начала XIX века не было никакого дела до всех этих перьев и щитов. Владельцы пышного герба превратились в рядовых землепашцев Сенинского уезда Могилевской губернии. Дед героя наглей книги Станислав (родился около 1820 г.) был мельником. Сохранилась записка, сделанная со слов Валентина Феликсовича его сыном Михаилом. Составляя список известных предков, Михаил Войно-Ясенецкий возле имени своего прадеда Станислава поставил в скобках: «курная изба, лапти, на медведя с рогатиной».

Сын мельника Станислава Феликс (родился около 1855 г.) первым после падения рода попытался вырваться из деревенской глуши. При поддержке какого-то мецената Феликсу Станиславовичу удалось окончить гимназию, а потом факультет фармации; сто лет назад провизор Феликс Станиславович Войно-Ясенецкий женился и открыл собственную аптеку. Очевидно, торговля шла не слишком успешно: аптеку пришлось ему открывать трижды – в Херсоне, Кишиневе и Керчи. Здесь, в Керчи, в мае 1877 г. и увидел свет третий по счету ребенок неудачливого провизора – Валентин, будущий епископ Лука.

С конца восьмидесятых годов семья поселилась в Киеве. Феликс Станиславович оставил фармацию и поступил служить в страховое общество «Надежда». «Он был человеком удивительно чистой души, ни в чем не видевшим ничего дурного, всем доверявшим, хотя, по своей должности, был окружен нечестными людьми», – вспоминает об отце Валентин Феликсович⁵. О том же говорила и дочь Феликса Станиславовича Виктория Феликсовна Дзенкевич

---

³ Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона, т. 12, стр. 939.

⁴ «Herbarz polski». Kaspara Niescliego т. 4-й. Липск, 1839.

⁵ Мемуары. Тетрадь 1-я, стр. 1.

(Войно-Ясенецкая)⁶. Возможно, что именно эта широко известная в городе честность Феликса Войно-Ясенецкого и выдвинула его на пост киевского агента богатейшего страхового общества страны. Контора общества находилась в самом центре города на Крещатике, напротив здания Думы. В том же доме на третьем этаже Войно-Ясенецкие – отец, мать, две дочери и три сына – занимали просторные комнаты.

Отец остался в памяти детей как человек несколько суетливый, но тихий и чрезвычайно аккуратный. Занятый делами службы, он мало видел свое семейство. Отдаляла его от семьи и его вера. Среди шести православных в доме он один оставался католиком. И при том католиком благочестивым. Главным лицом в семье была мать. Мария Дмитриевна исполняла обязанности хозяйки большого дома. Фотография начала века сохранила ее облик: полная, богато, со вкусом одетая дама; крупные черты красивого лица, волевой подбородок, решительный взгляд красивых, чуть навывкате глаз. Под строгим надзором этих глаз горничные держали квартиру в идеальном порядке, на кухне много варилось и пеклось. И не только для семьи. Мать постоянно отправляла домашнюю сдобу в тюрьму для арестантиков. В тюрьму же, чтобы арестанты могли заработать, посылали перетягивать матрацы и другую работу. Когда началась мировая война, на кухне постоянно кипятили большие бидоны с молоком – для госпитальных раненых. Мать была фантастически добра, но в отличие от добрых дел отца, ее подарки и подношения носили подчеркнутый, несколько даже демонстративный характер.

Впрочем, в этом доме никто никого не упрекал и не поучал. Семья была дружной, и до беды со старшей сестрой Ольгой (она сошла с ума после ужасов Ходынки) мир, очевидно, представлялся молодым Войно-Ясенецким безмятежным. Интересы, однако, у молодежи сложились разные. Ольга, пианистка, окончила консерваторию, Павел и Владимир избрали юридическую карьеру. Первый стал впоследствии присяжным поверенным, второй криминалистом. Валентин параллельно с гимназией посещал рисовальную школу и готовил себя к карьере художника; младшая Виктория твердо решила стать певицей. Характеры у мальчиков тоже с годами становились все более различными. Это особенно было заметно, когда семья выезжала на дачу в Китаево. Старший Владимир, любитель светской жизни, на дачу не ездил, воздух гостиных казался ему достаточно свежим. Крепыш Павел, наоборот, упивался Днепром, лодочными прогулками, много плавал, рыбачил. Валентин привозил на дачу своих товарищей-художников из бедных семей. Художники рисовали на пленере, толковали об освещении, о красках, о новых художественных течениях. За столом стеснялись, но ели с аппетитом. Потом у Валентина началось увлечение идеями графа Толстого. Он стал вегетарианцем, перебирался спать на пол. В ту пору на даче он не отдыхал, а целые дни пропадал в деревне, косил с крестьянами, укладывал стога.

Родных дичился, обедать тоже предпочитал с мужиками в сарае картошкой и помидорами.

Зимой в городе Валентин тоже отличался от братьев и сестер. Семья жила широко, открыто. Но Валентин в театр и в гости не ходил. Если посторонние приходили в дом, предпочитал отсиживаться в своей завешенной этюдами комнате. Девушек знакомых у него не было.

Вторая киевская гимназия, где учились братья Ясенецкие, блистала подбором лучших в городе преподавателей и талантами учеников, о ней писали как о выдающемся учебном заведении. Валентин на этом фоне учился средне, а на выпускных экзаменах весной 1896 г. его ответы по алгебре и геометрии оказались среди худших. По алгебре Валентину Войно-Ясенецкому единственному в классе поставили двойку. Проверя письменные работы выпускников по геометрии, университетский профессор Букреев отметил: «Работы... Ясенецкого, хотя и признаны удовлетворительными, однако, едва ли этого заслуживают: они переполнены гру-

---

⁶ Виктория Феликсовна умерла в 1973 г. под Киевом (ст. Немешаево).

быми ошибками в логарифмах и отличаются крайней небрежностью в объяснениях»⁷. Неудивительно, что блестящее будущее в гимназические годы прочили брату Павлу, юноше легкому, компанейскому, который не только без труда учился, но и хорошо пел, играл на гитаре. Валентин же, молчаливый, необщительный, считался мальчиком средних способностей, от которого не приходится ждать сколько-нибудь серьезных жизненных успехов.

В вопросах совести и веры в семье Войно-Ясенецких, как уже говорилось, царила полная свобода.

Сыновья-юристы в доме Ясенецких излишней религиозности не проявляли, но по традиции ходили к выносу Плащаницы и к пасхальной заутрене. Ни в детстве, ни позднее в юности родители не читали детям никаких поучений нравственного порядка. И в то же время в доме существовали какие-то непререкаемые понятия о чести, долге, ответственности.

В общем из всех детей Феликса Станиславовича и Марии Дмитриевны нравственные вопросы по-настоящему томили, пожалуй, только молчаливого Валентина. Юноша, живущий в великолепной квартире на Крещатике, сын обеспеченных родителей, получающий образование в лучшей гимназии города, болел той болезнью, которой от самого своего зарождения страдала русская интеллигенция. Его мучила вина перед народом, перед мужиками в деревне, перед оборванными бабами, ожидающими подавания на церковной паперти. Вот как он сам описал впоследствии эту свою внутреннюю борьбу.

«Влечение к живописи было у меня настолько сильным, что по окончании гимназии я решил поступить в Петербургскую академию художеств. Но во время вступительного экзамена тяжело задумался о том, правильный ли жизненный путь я избираю. Недолгие колебания кончились тем, что я признал себя не вправе заниматься тем, что мне нравится, и обязан заниматься тем, что полезно для страдающих людей. Из академии я послал матери телеграмму о желании поступить на медицинский факультет, но все вакансии уже были заняты, и мне предложили поступить на естественный факультет с тем, чтобы позже перейти на медицинский. От этого я отказался, так как у меня была большая нелюбовь к естественным наукам и ярко выраженный интерес к наукам гуманитарным: в особенности к богословию, философии, истории. Поэтому я предпочел поступить на юридический факультет и в течение года с интересом изучал историю и философию права, политическую экономию и римское право».

Через год, однако, его опять неодолимо повлекло к живописи. Войно-Ясенецкий отправился в Мюнхен, поступил в частную школу профессора Книрр. Проучился он там всего три недели, затосковал по дому, по России и вернулся в Киев. Стал с группой товарищей заниматься рисованием и живописью.

Два года прошло после окончания гимназии, а Валентин все еще не мог решиться, что ему делать... «Можно было поступить на медицинский факультет, но опять взяло раздумье народнического порядка и по юношеской горячности я решил, что нужно как можно скорее приняться за практически полезную для народа работу. Бродили мысли о том, чтобы стать фельдшером или сельским учителем, и в этом настроении я однажды направился к директору народных училищ Киевского учебного округа с просьбой устроить меня в одну из школ. Директор оказался умным и проницательным человеком; он высоко оценил мои народнические стремления, но очень энергично отговаривал меня от того, что я затевал, и убедил поступить на медицинский факультет. Это соответствовало моему стремлению быть полезным для крестьян, так плохо обеспеченных медицинской помощью, но поперек дороги стояло мое почти полное отвращение к естественным наукам. Я все-таки преодолел это отвращение и поступил на медицинский факультет Киевского университета»⁸.

---

⁷ Отзывы профессоров Университета Святого Владимира о письменных ответах лиц, подвергавшихся испытаниям зрелости в гимназии Киев. учеб. окр. За 1896 г. Киев. 1898, стр. 92 и 93.

⁸ Мемуары.

Время, пока шла эта борьба, было тяжелым для юноши еще и по другой причине: через сомнения и душевные страдания выработывал он в эти годы этическую и религиозную позиции – сначала захватило его учение графа Толстого. Но увлечение толстовством продолжалось недолго. В следующем году в руки молодого студента попала книжка Толстого «В чем моя вера?» Книжка была запретная, изданная за границей. В России она многих привлекла в ряды толстовцев, а Валентина Войно-Ясенецкого, наоборот, оттолкнула. Он увидел в ней, по его словам, «издевательство над православной верой». «Я сразу понял, что Толстой – еретик, весьма далекий от подлинного христианства», – записал он впоследствии. Традиционное Православие – вера матери – неколебимо восторжествовало в нем навсегда.

Итак, двухлетняя душевная тяжба, которую Валентин Ясенецкий вел с самим собой, внешне как будто разрешилась: он окончательно оставил живопись. Но внутренние трудности окончились не сразу.

«Когда я изучал физику, химию, минералогия, у меня было почти физическое ощущение, что я насильно заставляю мозг работать над тем, что ему чуждо. Мозг, точно сжатый резиновый шар, стремился вытолкнуть чуждое ему содержание. Тем не менее учился я на сплошных пятерках и неожиданно чрезвычайно заинтересовался анатомией. Изучая кости, я рисовал их и дома лепил из глины, а своей препаровкой трупов сразу обратил внимание всех товарищей и профессора анатомии. Уже на втором курсе мои товарищи решили, что я буду профессором анатомии... На третьем курсе я со страстным интересом занимался изучением операций на трупах. Произошла интересная эволюция моих способностей: умение весьма тонко рисовать и моя любовь к форме перешли в любовь к анатомии и тонкую художественную работу при анатомической препаровке и при операциях на трупах. Из неудавшегося художника я стал художником в анатомии и хирургии.

Государственные экзамены я сдавал блестяще, на сплошных пятерках, и профессор общей хирургии сказал мне на экзамене: "Доктор, Вы теперь знаете гораздо больше, чем я, ибо Вы прекрасно знаете все отделы медицины, а я уже многое забыл..."»⁹

В знании и понимании анатомии достиг молодой Войно-Ясенецкий действительно высот поразительных. На абсолютном знании анатомии были построены позднее все его научные достижения. Но тем не менее, память не совсем точно подсказывает автору мемуаров события шестидесятилетней давности.

Экзамена по общей хирургии в университете не было, речь, очевидно, шла о курсе оперативной хирургии и топографической анатомии, которую читал профессор П. И. Морозов. Предмет этот Войно-Ясенецкий любил и получал за ответы только отличные отметки. Вообще же он учился хотя и неплохо, но без блеска.

Архивные папки рассказывают о «бунте» в университете святого Владимира в декабре 1901 г., январе 1902 г. Образцы листовок, доносы провокаторов, записи речей, произнесенных на митингах. Студенты протестуют против так называемых «временных правил» правительства, урезающих и без того мизерные права учащейся молодежи. «Временные правила», в частности, позволяли властям отдавать бунтующих студентов в солдаты. Университет кипел, сходки, забастовки сменяли одна другую. В итоге 183 «зачинщика» призваны в армию, все студенты первого курса на всех факультетах – исключены, все студенты второго курса – оставлены на второй год. Даже Совет профессоров университета пришел в негодование по поводу этого произвола. Возникла резкая переписка между профессурой и попечителем учебного округа¹⁰. В марте 1903 г. новые беспорядки и новые репрессии: все студенты третьего курса оставлены на второй год, им предложено немедленно разъехаться по домам.

---

⁹ Там же.

¹⁰ КГГА, фонд 708, опись 341, дело 45, лист 2.

А Валентин? Его имени нет ни среди исключенных, ни среди курсовых ораторов, ни среди тех, кто подписывал петиции протеста. Нет нигде. Трус? Но мы знаем: вся долгая жизнь профессора Войно-Ясенецкого, епископа Луки есть нескончаемая цепь поступков большого мужества. Может ли в зрелом возрасте стать героем тот, кто годами оставался трусом? Наоборот случается, и довольно часто, а так что-то я не слышал...

Не страх перед полицейскими и не принадлежность к классу угнетателей удерживали Войно-Ясенецкого в стороне от общественной и политической жизни университета. Да и был ли он в стороне? На третьем курсе, в том самом «горячем» 1903 г. студенты медицинского факультета избрали Валентина Войно-Ясенецкого старостой. По некоторым свидетельствам, товарищи называли его «совестью курса». Это немалая честь – быть курсовым свободно избранным старостой. Молодежь, особенно в ту накаленную пору, далеко не каждому готова была выразить таким образом свое доверие. Чем же вызвал Валентин расположение соучеников? Сам он об этом эпизоде рассказывает так: «Перед одной лекцией я узнал, что товарищ по курсу, поляк, ударил по щеке другого товарища – еврея. По окончании лекции я встал и попросил внимания. Все притихли. Я произнес страстную речь, обличавшую безобразный поступок студента-поляка. Я говорил о высших нормах нравственности, о перенесении обид, вспомнил великого Сократа, спокойно отнесшегося к тому, что его сварливая жена вылила ему на голову горшок грязной воды»¹¹.

Надо полагать, этико-исторический экспромт студента-медика был довольно наивен. Да еще со ссылкой на зловредную Ксантипу, обдавшую нечистотами своего великого мужа. Но молодые люди почувствовали в речи обычно молчаливого товарища нечто большее, чем желание одернуть драчуна. В аудитории вдруг прозвучала искренняя боль об оскорбленном человеке, торжествующей несправедливости. Валентин выступал как моралист, привлекая внимание товарищей не к частностям, а к принципиальной стороне дела. И достиг своего. Его духовное, этическое первенство на курсе признали.

Университет Валентин Феликсович окончил осенью 1903 г. Разлука с alma mater не была слишком грустной. Друзей на курсе он не завел. В памяти остался лишь один эпизод из прощальной беседы: «Когда я расставался с товарищами, они спрашивали, какую дорогу выберу я в медицине, и единодушно протестовали, когда я сказал, что намерен всю жизнь быть участковым земским врачом. Они говорили, что я предназначен не для этого, а несомненно для научной работы. Я протестовал, потому что никогда не помышлял об этой работе, а хотел лишь лечить крестьян, хотя бы в самой убогой обстановке». Позднее этот эпизод был повторен в «Мемуарах» архиепископа Луки, и автор еще раз подчеркнул: «Я изучал медицину с исключительной целью быть всю жизнь деревенским, мужицким врачом, помогать бедным людям». В этих словах не было ни позы, ни желания покрасоваться перед сверстниками. Дав на двадцать первом году жизни зарок служить мужику, Войно-Ясенецкий не отрекся от него до конца своей медицинской карьеры.

Однако поехать в деревню сразу после окончания университета не удалось, помешала русско-японская война. Молодому врачу предложили службу в отряде Красного Креста. Нетрудно догадаться, кто именно рекомендовал включить Войно-Ясенецкого в отряд. Университетский профессор оперативной хирургии и топографической анатомии П. И. Морозов, тот самый, что на выпускном экзамене сказал Валентину Феликсовичу: «Вы теперь знаете больше, чем я...», заведовал хирургическими курсами в Мариинской общине сестер милосердия. На базе этой общины формировалась и первая группа медиков-добровольцев. Профессор, естественно, постарался укомплектовать группу лучшими своими учениками. Недавний студент охотно принял предложение учителя.

---

¹¹ Мемуары.

Отряд выехал на Дальний Восток 30 марта 1904 г. На большой фотографии, помещенной в журнале «Нива», где белые длинные юбки, ослепительные воротнички и накладки милосердных сестер милосердия чередуются со строгими сюртуками и мундирами добровольцев-мужчин, мы видим и младшего врача В. Ф. Войно-Ясенецкого. Он еще более возмужал, отпустил усы и бородку. На «исторических» снимках (война!) люди всегда стараются выглядеть более серьезными и значительными, чем в обыденной жизни. Для Валентина Феликсовича сосредоточенность и серьезность – естественное, обыкновенное состояние его духа. Таков он и на том общем портрете.

Месяц спустя, с дороги (отряд направился в Читу), младший врач послал родным коротенькое письмо. На страничке, испещренной мелким, но четким почерком, ни слова о трудностях дороги, об отношениях с сослуживцами. Ничего временного, мелкого, случайного, что так естественно было бы в письме молодого человека, покидающего родной дом. Только почтительное удивление перед мощью природы, перед дикостью и размахом далекого края.

«Почти целый день сегодня едем тайгой. Какая глушь, какая дикая картина! Тайга не грандиозна, не величественна, но она глуха и мрачна; она какое-то лесное кладбище: бурелом, бурелом без конца, пни обломанные, мертвые стволы без вершин. Земля вся мокрая, повсюду лужи, кочки. Когда карабкаешься по этим стволам, приходят на память те бродяги, что ходили по этой тайге тысячи верст, и не верится, чтобы человек мог столько перенести. Поезд быстро мчится по тайге, и нельзя оторваться от дикой картины и от ощущения быстрой езды. Целую вас крепко, крепко, крепко. Посылаю один из множества цветов, собранных сегодня в тайге. Целую всех.

Валентин»¹².

Жизнь в Чите продолжалась около года и ознаменовалась для Войно-Ясенецкого двумя важными событиями. Здесь впервые он получил возможность испытать себя как хирург. Здесь же, в Чите, незадолго до окончания войны, в церкви, построенной декабристами, обвенчался он с Анной Ланской. О двух этих фактах в «Мемуарах» сказано кратко: «...В Киевском госпитале Красного Креста возле Читы... было два хирургических отделения; одним заведовал опытный одесский хирург, а другое главный врач поручил мне, хотя в отряде были еще два хирурга значительно старше меня. Однако врач не ошибся, ибо я сразу же развил большую хирургическую работу на раненых и, не имея специальной подготовки по хирургии, стал сразу делать крупные операции на костях, суставах и черепе. Результаты работы были вполне хорошими, ошибок я не делал, несчастий не бывало. В работе мне много помогала недавно вышедшая книга французского хирурга Лежара "Неотложная хирургия", которую я основательно проштудировал перед поездкой на Дальний Восток»¹³.

История женитьбы описана еще более кратко.

«В Чите я женился на сестре милосердия, работавшей прежде в Киевском военном госпитале, где ее называли "святой сестрой". Там два врача просили ее руки, но она дала обет девства. Выйдя за меня замуж, она нарушила этот обет, и в ночь перед венчанием в церкви, построенной декабристами, она молилась перед иконой Спасителя и вдруг ей показалось, что Христос отвернул свой лик и образ его исчез из киота. Это было, по-видимому, напоминание о ее обете, и за нарушение его Господь тяжело наказал ее невыносимой патологической ревностью».

---

¹² Отправлено из г. Моршанска 26.04.1904.

¹³ Мемуары. Тетрадь 1-я, стр. 7.

«Она покорила меня не столько своей красотой, сколько исключительной добротой и кротостью характера», – рассказывал Валентин Феликсович о жене своим близким. И, очевидно, не кривил душой. Так оно и было.

Анна была для Валентина Феликсовича его единственной женщиной – так говорят современники. Его письма к жене тоже мало что объясняют. Письма эти и через три, и через десять лет после венчания полны нежного, теплого дружелюбия. Между 1907 и 1913 гг. у Войно-Ясенецкого родилось четверо детей: три мальчика и девочка. В одном случае отцу пришлось быть даже акушером и принять собственного сына. И все-таки нет гармонии в этих разумных, расчисленных супружеских отношениях. «Анна ревновала брата, ревновала ко всем: к большим, к сослуживцам, к случайным знакомым. Однажды даже травилась, – вспоминает сестра Валентина Феликсовича Виктория Феликсевна Дзенькевич. – Я ездила к ним, когда они жили в Переславле-Залесском. Квартира просторная, Валентина в городе уважали... Анна была хорошая хозяйка, всегда цветущего здоровья. Но эта болезненная ревность...»

* * *

Студенты Киевского университета, узнав, что их талантливый товарищ собирается посвятить жизнь земской медицине, имели достаточно оснований для недоумения. Кто же не знает, что пойти в земские доктора значило погубить свою карьеру. Незадолго до выпуска приват-доцент Михайлов прочитал будущим врачам своеобразный курс «деревенской» хирургии. Лектор напомнил об убожестве уездной больнички; после настоящего учения об асептике и антисептике, он нарисовал картину асептики и антисептики «применительно к обстоятельствам». Приват-доцент объяснил своим слушателям, как пользоваться упрощенными – дешевыми стерилизаторами; как готовить и применять дешевый перевязочный материал (лигнин, пеньку, кудель, мох). После блеска университетских операционных молодые медики узнали об операционных, где кетгут и шелк приходится заменять льняными нитями конским волосом и сухожилиями животных¹⁴. Курс Михайлова предназначался для тех, кто собирался стать земским врачом. Однокурсники Войно-Ясенецкого, надо полагать, восприняли учение о кудели и конском волосе с юмором. Они не собирались покидать больших городов, где почтенная профессия частного практикующего или больничного врача гарантировала им комфорт и спокойную жизнь без всяких этих вызовов среди ночи и поездок на крестьянских лошадях за тридцать верст к неразродившейся в срок бабе.

Новый тип «мужицкой» медицины возник лишь за сорок лет перед тем. До 1846 г. Российская империя, в которой 90 % подданных были сельскими жителями, вообще не имела в провинции научно образованных врачей. Создать сельскую медицину на беспредельных просторах страны, при крайней рассеянности населения, при его низкой культуре и ничтожности земских средств, казалось делом совершенно немыслимым. И тем не менее российская интеллигенция с энтузиазмом приняла на свои плечи судьбу народного здравия. «То, чему земство пришло на смену в области здравоохранения, было поистине ужасно», – писал известный земский деятель А. И. Шингарев. На всем громадном пространстве 350 земских уездов, где проживало тогда 38 миллионов жителей, существовало лишь 351 лечебное учреждение «приказа общественного призрения». В основном это были маленькие амбулатории в уездных городах. В сельских местностях больниц не было совсем, не было их в некоторых уездных городах¹⁵.

Энергия земцев произвела поразительный переворот в деревенской медицине. К 1890 г. число лечебных учреждений в уездах возросло более чем втрое, а число больничных кроватей в два с половиной раза. Более семисот больниц и амбулаторий земцы открыли заново. Им

---

¹⁴ КГГА, фонд 16, опись 465, дело 5755, 22 января – 19 марта 1903.

¹⁵ А. И. Шингарев. «Полвека земского общественного служения». Труды Пироговского XII съезда, вып. 2, стр. 10.

приходилось все начинать сначала. Европа с ее долгой культурной историей и скромными географическими пространствами мало чему могла научить русских организаторов здравоохранения. Их учила жизнь. Между прочим, недостаток средств, больниц, медиков-специалистов привел к тому, что земский врач с самого начала стал практиком-энциклопедистом. И лечил, переходя в течение рабочего дня от офтальмологии к хирургии, от стоматологии к детским болезням. Хорошо это или плохо, судить не станем. Для той эпохи, для российской глухомани, врачебный энциклопедизм был спасением. Можно лишь удивляться героям-врачам, которые в нищенских условиях земской больницы не только безукоризненно исполняли свой профессиональный долг, но еще находили силы делать большую науку. Двадцать три мужицких врача вышли впоследствии в видные профессора: К. Г. Хрущев (Воронежская губерния), С. И. Спасокукотский (Смоленск), А. В. Вишневский (Казань). Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий был той же породы.

Впрочем, карьера его сложилась вначале не совсем удачно. Вернувшись, как тогда говорили в «Россию», они с женой поселились в 1905 г. в небольшом уездном городке Ардатове Симбирской губернии. Здесь молодому врачу поручили больницу на тридцать пять коек. Больница оказалась бедной, плохо оборудованной, однако верный своему врачебному темпераменту Войно-Ясенецкий, ни на что не обращая внимания, сразу начал широко оперировать как хирург и глазник. Работал он с утра до вечера, но больных было так много, что уже через несколько месяцев он выбился из сил. Решил перейти в маленькую больницу. Такая больница на десять коек нашлась в деревне Верхний Любаж, Фатежского уезда, Курской губернии, но и там оказалось не легче: собственно, трудности создавал себе сам врач. Чем больше и удачнее он оперировал, тем более росла его слава и тем больше пациентов спешило в больницу. В Верхний Любаж стали съезжаться жаждущие помощи из других уездов Курской губернии и из соседней Орловской. Главным бедствием здешних мест была слепота. Русская деревня с ее грязью и нищетой издавна была очагом трахомы. Тысячи незрячих – жертвы болезни-ослепительницы – бродили по дорогам, выпрашивая подаяние.

Собираясь стать земским врачом, Войно-Ясенецкий не забыл и об этом народном бедствии. Осенью 1903 г., сразу после выпускных экзаменов в университете, он начал посещать в Киеве глазную клинику. Амбулаторного приема и операций в клинике ему казалось недостаточно, и он стал приводить больных к себе в дом. «Наша квартира, – вспоминает сестра Валентина Феликсовича Виктория, – превратилась на какое-то время в глазной лазарет. Больные лежали в комнатах, как в палатах. Валентин лечил их, а мама кормила». Этот киевский опыт очень пригодился ему потом в земских больницах. В Ардатове и Любаже слава о глазных операциях, которые делал новый доктор, росла так стремительно, что хирург не успевал осматривать желающих оперироваться. Особенно после того, как прозревший в результате хирургического вмешательства молодой нищий собрал слепых со всей округи, и они длинной вереницей, ведя друг друга за палки, явились к врачу просить исцеления.

В маленькой больнице, как и в большой, рабочий день хирурга начинался в девять утра и заканчивался глубокой ночью. Кроме операций, надлежало навещать больных в ближних и дальних деревнях, исполнять обязанности судебного и санитарного медика.

Очевидно, в эти первые годы нелегким оставался и быт молодой четы. Из письма Валентина Феликсовича, помеченного 1906 г., видно, что минувшую зиму супруги жили в холодной квартире и сильно мерзли. Да и жалованье полагалось земскому врачу куда как незавидное¹⁶. И в этой нищете, в этом одиночестве, когда буквально не у кого спросить и не у кого учиться (от Верхнего Любажа до ближайшего городка – 25 верст) – врачу то и дело приходилось принимать самые серьезные, порой жизненно важные решения.

---

¹⁶ Письмо от 13 сентября 1906 г. из Ардатова в Елисаветград куда Анна Васильевна ездила гостить к сестре.

Приват-доцент Михайлов, читавший студентам-киевлянам курс «крестьянской хирургии», и тот, пожалуй, удивился бы, узнав, в каких условиях приходится подчас оперировать его питомцу.

«Я приехал сюда для осмотра земской школы, в недалекую от Любажа деревню, – вспоминает Войно-Ясенецкий. – Занятия уже кончились. Неожиданно прибежала в школу девочка, неся на руках совершенно задыхающегося ребенка. Он поперхнулся маленьким кусочком сахара, который попал ему в гортань. У меня был только перочинный ножик, кусок ваты и немного раствора сулемы. Тем не менее я решил сделать трахеотомию и просил учительницу помочь мне, но она, закрыв глаза, убежала. Немного храбрее оказалась старуха-уборщица, но и она оставила меня одного, когда я приступил к операции. Я положил спеленатого ребенка к себе на колени и быстро сделал ему трахеотомию, протекшую как нельзя лучше. Вместо трахеотомической канюли я ввел в трахею гусиное перо, заранее приготовленное старухой. К сожалению, операция не помогла, так как кусочек сахара застрял ниже, по-видимому, в бронхе»¹⁷.

Но тяготы провинциальной жизни не ограничивались только недостатками, так сказать, «профессионального» порядка. В России, где с древних пор управляют не законы, а люди, служащий человек никогда не знает своей завтрашней судьбы. Сначала Войно-Ясенецкий вроде бы был повышен: земская управа перевела его в уездный город Фатеж. Но через несколько недель та же управа, не слишком затрудняя себя поисками подходящего предлога, выгнала врача вон.

«Фатежский уезд был гнездом самых редких зубров-черносотенцев, – пишет в своих «Мемуарах» Валентин Феликсович. – Самый крайний из них был председатель земской Управы Татезатул, незадолго до того прославившийся своим законопроектом о принудительной иммиграции в Россию китайских крестьян для передачи их в рабство помещикам. Татезатул счел меня революционером за то, что я не отправился немедленно, оставив все дела, к заболевшему исправнику, и постановлением управы я был уволен со службы. Это однако, не обошлось благополучно. В базарный день один из исцеленных мною слепых влез на бочку и произнес зажигательную речь по поводу моего увольнения. Под его предводительством толпа народа пошла громить земскую управу, здание которой находилось тут же на базарной площади. Там был только один член управы, от страха залезший под стол. Мне, конечно, пришлось поскорее уехать из Фатежа»¹⁸.

Но легко сказать уехать. У Войно-Ясенецких было уже двое детей. В 1907 г. родился Михаил, а осенью 1908 г., в те самые дни, когда разыгрался скандал, появилась на свет Елена. На первых порах семья перебралась на Украину, в Золотоношу. Там нашлось место амбулаторного врача. Но без настоящей работы Валентин Феликсович томился, настоящей же считал только хирургию. Предстояло снова вступать в переговоры с каким-то земством, тащиться, на зиму глядя, с малышами и жалким скарбом, может быть, через всю Россию... И вот в эту грустную, если не сказать трагическую пору своей жизни Валентин Феликсович принял вдруг решение попытать счастья в Москве.

Валентин Феликсович поехал. Оставил Анну с малышами у родных, а сам поступил в экстернатуру. Надо полагать, что на самое скромное существование зарабатывал он себе ночными дежурствами по клинике. Так от века кормились врачи-экстерны – жертвы излишней преданности науке.

Тут мы и подошли к главной причине, которая погнала Войно-Ясенецкого в Москву. Причину эту он сам от себя тщательно скрывал, ибо не укладывалась она в схему его жизни. По схеме надлежало ему быть только доктором для бедных, лечить и оперировать в самых

---

¹⁷ Мемуары.

¹⁸ Там же.

убогих условиях, не думать ни о чем, кроме пользы каждого отдельного пациента. Задушив в себе во имя схемы художника, он оказался не в силах убить также и ученого. Как ни подавлял он страсть к науке, она все равно выходила наружу. Незаметно для себя сельский доктор начал записывать сначала чем-то поразившие его медицинские случаи. Потом как-то само собой получилось, что он написал в Любаже три статьи. Журнал «Хирургия» и «Врачебная газета» почти тотчас опубликовали их. Так же сама собой жизнь сельского доктора подсказала ему жгучую, насущно важную хирургическую проблему, которую надо было решать во что бы то ни стало и как можно скорее.

Все началось с беды. В первый же год работы в Ардатове у Валентина Феликсовича на операционном столе чуть не погиб крепкий, не старый еще крестьянин, которому предстояло удалить камни из почек. Наркоз давала не слишком опытная и очень невыдержанная фельдшерица. В тот самый момент, когда хирург полностью сосредоточился над разверстой брюшной полостью пациента, она вдруг страшно закричала и выронила из рук склянку с хлороформом: больной задыхался. Очевидно, сестра передозировала лекарство. Этот миг запомнился Войно-Ясенецкому надолго. Через десять лет в предисловии к своей диссертации снова вспомнил он, как в какие-то считанные мгновения должен был решить: продолжать операцию или, бросив все, замавав стерильные, мытые-перемытые свои руки, выводить больного из наркозного удушья. Героическими средствами крестьянина удалось спасти. Но хирург с тех пор стал избегать наркоза. В деревне при плохих, неквалифицированных помощниках беда могла повториться в любой день. Но чем заменить наркоз?

С тех пор, как в середине 10-х годов XIX столетия был открыт кокаин, среди медиков не прекращался спор о преимуществах наркоза и местного обезболивания. Не имея под рукой штата опытных наркотизаторов, провинциальные хирурги отдавали явное предпочтение местной анестезии. Хирург при этом становился хозяином положения, успех или неуспех в его работе уже не зависел от неудачи наркоза. Кроме того, возле операционного стола освобождалась лишняя пара рук, которую можно привлечь непосредственно к операции.

Врач из глухой деревенской больнички Войно-Ясенецкий не только отлично ориентировался в ратоборстве хирургических гигантов, но и имел на этот счет свое личное мнение.

Он задался целью решить вопрос об обезболивании с помощью метода, который в 900-е годы был совсем еще новым, мало кому ведомым. В Любаже, куда ему присылали из Киева всю новейшую медицинскую литературу, он познакомился с еще не переведенной у нас книгой австрийского хирурга Генриха Брауна «Die Localanästhesie» (Местная анестезия). Встреча с этой книгой стала для Валентина Феликсовича событием огромной важности. «Я с жадностью прочел ее, – писал он позднее, – и из нее впервые узнал о регионарной анестезии, немногие методы которой весьма недавно были опубликованы... У меня возник живой интерес к регионарной анестезии, я поставил себе задачей разработку новых методов ее». Не откладывая дела в долгий ящик, Валентин Феликсович принялся оперировать по-новому. В Любаже он с успехом произвел 538 операций (среди них много крупных) под местным обезболиванием. Очевидно, пользовался он в основном только зарождавшейся на Западе так называемой регионарной анестезией.

Однако в Москве, явившись к знаменитому Дьяконову, Валентин Феликсович не решился в первый же день говорить о своей теме. Петр Иванович Дьяконов, основатель и первый председатель Съездов российских хирургов, пожилой уже человек, крупный ученый, прошедший школу земской медицины, тоже не спросил о его научных интересах. Он предложил новичку разработать вполне солидную тему «Туберкулез коленного сустава» и отпустил молодого человека с тем, чтобы тот познакомился с литературой. Можно без сомнения утверждать, что остановился Валентин Феликсович на довольно традиционной, предложенной профессором теме, она скорее привела бы его к докторской степени, нежели спорная проблема обезболивания. Но для таких людей, как Войно-Ясенецкий, увлечься чем-нибудь – значит безраздельно

отдать себя предмету увлечения. Литературу о туберкулезе колена он прочитал, но при следующей встрече с Дьяконовым откровенно признался, что эта тема его нисколько не занимает. «Но вот есть одна проблема...» И тут произошел разговор, который делает честь и престарелому директору клиники, и молодому экстерну. Книги Брауна, о которой начал рассказывать деревенский доктор, Дьяконов не читал. И о новейшем средстве обезболивания – регионарной анестезии – тоже ничего не слышал. Но ученый не оборвал провинциала. Дослушав его до конца и видя, что собеседник горит желанием заниматься новым методом, профессор спокойно кивнул головой. В пору, когда науку просто делали, а не планировали и не утверждали в сотнях инстанций, когда она еще не успела обрасти бюрократическим аппаратом, одного этого жеста было достаточно, чтобы уже на следующий день экстерн начал работать в полюбившейся ему области.

Вскоре после знаменательного разговора Валентин Феликсович писал жене:

«Из Москвы не хочу уезжать прежде чем не возьму от нее того, что нужно мне: знаний и умений научно работать. Я по обыкновению не знаю меры в работе и уже сильно переутомился... А работа предстоит большая: для диссертации надо изучить французский язык и прочитать около пятисот работ на французском и немецком языках. Кроме того, много работать придется над докторскими экзаменами... Во всяком случае, стать доктором медицины нельзя раньше чем к январю 1910 г., если все это время быть свободным от всяких других занятий. Зато потом будет мне широкая дорога и не придется сидеть в дрянной участковой земской больнице»¹⁹.

В Москве в тот раз продержался Войно-Ясенецкий довольно долго – восемь месяцев. Можно лишь удивляться, как много он работал и сколько успел за это время. Из клиники Дьяконова бежал в Институт топографической анатомии и оперативной хирургии (где директорствовал профессор Ф. А. Рейн). Там делал анатомические исследования на трупах.

От Рейна спешил на кафедру описательной анатомии, к профессору Карузину, изучать череп. Интересно, что и Рейн, и Карузин, как прежде Дьяконов, впервые от Войно-Ясенецкого услышали о регионарной анестезии.

Подводя итоги первых двадцати лет существования регионарной анестезии, Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий писал: «Я не ошибусь, если назову регионарную анестезию совершенным методом местной анестезии. На смену прежним неуклюжим и примитивным способам послышного пропитывания, даже анестезирующим раствором, всего, что надо резать, пришла новая, изящная и привлекательная методика местной анестезии, в основу которой легла глубоко рациональная идея прервать проводимость тех нервов, по которым передается болевая чувствительность из области, подлежащей операции»²⁰.

Это было написано в 1915 г.

Но в 1908 г. сторонников регионарной анестезии, как я уже говорил, было еще мало. Убедившись в преимуществах метода, Войно-Ясенецкий со всей своей энергией принялся утверждать его в российской хирургии. Не слово, но дело стало его аргументом. Он искал и находил все новые и новые подступы к нервным стволам, анестезия которых позволяла ему сразу обезболить большую поверхность тела. В своем поиске врач-провинциал не убоился поднять руку даже на учителя. Генрих Браун – отец регионарной анестезии – усомнился в возможности подобраться со шприцем и иглой к седалищному нерву? Войно-Ясенецкий берется решить именно этот вопрос. Он много оперирует на трупах и в конце концов обнаруживает прием, с помощью которого можно «поймать» седалищный нерв при его выходе из полости таза. Один укол новокаина в эту точку и – мечта хирурга! – вся нога теряет чувствительность.

---

¹⁹ Письмо послано из Москвы 1 октября 1908 г., датируется по фразе: «Черненькой девочке не давай хитроумного имени Назови Еленой или Натальей».

²⁰ В. Ф. Войно-Ясенецкий. «Регионарная анестезия», Петроград, 1915.

Дальнейшие попытки привели Валентина Феликсовича еще к одному открытию. Оказалось, что достаточно сделать одну-единственную инъекцию кокаина в так называемый срединный нерв, как целиком теряет чувствительность кисть руки. Третье открытие пришло после того, как ученый исследовал и промерил триста человеческих черепов. В результате этой гигантской работы стало ясно, как и где всего удобнее вводить новокаин и алкоголь во вторую ветвь тройничного нерва. Читателю, далекому от медицины, предыдущая фраза мало что объясняет. Но тысячи людей, страдающих от невыносимых невралгических болей, вызванных воспалением тройничного нерва, знают, какое облегчение может доставить один такой укол хорошего мастера-нейрохирурга. Кстати, эту операцию – алкоголизацию второй ветви тройничного нерва (при выходе его из так называемого круглого отверстия «foramen rotundum») – Валентин Феликсович сделал своей сестре.

«Я очень мучилась от ужасных болей, а после операции, которая продолжалась всего несколько минут, совсем забыла о своей болезни», – рассказывает Виктория Феликсовна.

Так научные исследования Войно-Ясенецкого с самого начала оказались направленными ко благу его коллег, рассеянных по империи земских докторов. Но самому Валентину Феликсовичу его работа в клиниках никаких материальных выгод не принесла. Совсем наоборот. В Москве он обнищал так, что пришлось срочно искать прибежища в очередной земской больнице. В декабре 1908 г. – еще один удар – умер профессор Дьяконов. Месяц спустя Войно-Ясенецкий покинул Москву. Путь его лежал на восток, в Саратовскую губернию. Больница на десять коек, где отныне ему предстояло работать, находилась в селе Романовке неподалеку от города Балашова.

В своих «Мемуарах» и биографии 1945 г. Валентин Феликсович о службе в Романовке почти ничего не говорит. Между тем, во врачебной судьбе его полтора года, проведенные в Балашовском земстве, сыграли заметную роль. Тут были собраны многие материалы, вошедшие в его диссертацию и будущую книгу о гнойной хирургии. Тут же в 1909 г. родился сын Алексей. Что же представляла собой жизнь деревенского медика в эти годы?

Романовская слобода лежит неподалеку от того места, где сходятся ныне границы Воронежской, Волгоградской и Саратовской областей. Громадное степное село на реке Хопер, с двумя церквями и четырьмя кабаками в те давние времена населяли в основном украинцы, мужики богатые и грубые. Что ни праздник – на широких романовских улицах начинались пьянки, драки, поножовщина. По рассказам старого медика, работавшего в Романовской слободе вскоре после Войно-Ясенецкого, болезни в Романовских обителях тоже имели тенденцию к масштабам, к размаху. Сифилис бытовой – так целое село сифилитиков. Пневмония – так ее на расстоянии видно, флегмона – так полведро гноя. Два врача, три фельдшерицы и фельдшер, работая без передышки целыми сутками, едва справлялись с наплывом больных. На прием в амбулаторию приходило по сто-сто пятьдесят человек. А за сим – верхом или на телеге по деревням. Дел и там хватало, ведь на участке было двадцать сел и двенадцать хуторов. Операции делали, наркоз давали, щипцы акушерские накладывали частенько тут же в хате...²¹

Эти воспоминания старика-врача дополняет «Обзор состояния земской медицины в Балашовском уезде за 1907–1910 гг. и отчасти 1911 г.»²² «Обзор» – документ до крайности откровенный, даже жестокий.

«Романовский участок. Площадь – 580 квадратных верст, радиус – 13,5 верст. Население – 30506 человек. Более 70 % жителей расположено далее чем за 8 верст от дома врача. Амбулатория – 31 640 обращений в год».

Много это или мало? «Участок в два раза превышает требования нормы по площади и в три раза по населению и количеству работы», – сообщает «Обзор». Что может сделать врач

---

²¹ Виктор Федосьевич Елатомиев, врач-хирург, 73 года. Москва. Личное сообщение от 25.6.1971.

²² «Обзор» любезно предоставлен мне врачом-земцем, ныне проф. Н. А. Софийским. Балашов.

в такой обстановке? Принимая за час 25–30 больных, можно уделить каждому не более 2-х минут. Тут и осмотр, и назначение. Приемы длятся по 5–7 часов в день. «По моим подсчетам, – пишет составитель, – только в 45 случаях из ста можно поставить приблизительно точный диагноз, а 55 проходят мимо без диагноза. На долю одного врача нередко приходится принять до 200 человек... Помещение для амбулаторных приемов большей частью тесно и душно. В Балашовском участке, например, в одной комнате принимают три врача, двое из них за одним столом. Тут же за ширмой гинекологические исследования, рядом, в перевязочной, делают разрезы, прививки детям, все это сопровождается криком, плачем. В ожиданиях давка и глум, бывают случаи обмороков от недостатка воздуха. О каком-либо выслушивании больного здесь не может быть и речи».

В этой тесноте, духоте и шуме полтора года работал и Валентин Феликсович. Кроме врачебного приема и выездов, на него падала в больнице и вся хирургия. «Я делал в Романовке не менее 300 операций в год», – упоминает он в своей биографии. «Обзор» подтверждает: в 1909 г. хирург произвел 292 операции. В начале следующего года операционный темп возрос еще больше. Много это или мало – три сотни оперативных вмешательств за год. Ответ дает «История русской хирургии». Автор книги известный хирург, профессор Военно-медицинской академии в Петербурге, В. А. Оппель, познакомившись в те же годы с отчетом Мелекесской земской больницы, мало чем отличавшейся от больницы в Романовке, писал: «Какую надо иметь железную энергию, какой энтузиазм в работе, чтобы в старом здании больницы на 30 коек довести количество операций до 300 в год?!» «Железная энергия», «энтузиазм в работе» – Войно-Ясенецкий имел полное право принять эти слова на свой счет.

Мне не удалось разыскать годовых больничных отчетов, которые Валентин Феликсович выпускал в Романовке в 1909–1910 гг. Не нашел у себя этих отчетов и старый балашовский житель, знаток балашовской старины, профессор-хирург Николай Александрович Софийский. Однако на мою просьбу сообщить, на каком уровне стояла в Романовке хирургическая помощь, он ответил обстоятельным письмом. Есть там такие строки:

«Романовская больница сделала в 1909 г. 4 резекции верхней челюсти и 4 трепанации черепа по поводу опухоли мозга. В том году Войно-Ясенецкий был единственным хирургом больницы. Второе, что я запомнил, Валентин Феликсович просил ассигновать нужную сумму денег на покупку микроскопа и микротомы для Романовской больницы, и в этом ему было отказано. А я узнал, что и то, и другое купил он на собственные деньги и успевал готовить препараты и исследовать их. Один! Один! В балашовской больнице на 25 коек мы стали заниматься микроскопическим исследованием опухолей в 1946 г., а Валентин Феликсович делал это в 1909-м!»²³

В половине девятого утра больничный кучер Александр подавал к дому заведующего экипаж. Войно-Ясенецкие занимали довольно просторный деревянный дом помещицы Лилевой на Троицкой улице, неподалеку от того места, где теперь шоссе Москва – Ярославль прорезает старинный земляной вал. Расстояние от дома до больницы не больше версты, но и это время у врача зря не пропадало. Он брал с собой в экипаж 15–20 карточек с немецкими и французскими словами и учил их в дороге.

«Впечатления моего детства очень однообразны, – вспоминает старший сын Валентина Феликсовича Михаил, – отец работает. Работает днем, вечером, ночью. Утром мы его не видим, он уходит в больницу рано. Обедаем вместе, но отец и тут остается молчаливым, чаще всего читает за столом книгу. Мать старается не отвлекать его. Она тоже не слишком многоречива».

Более подробно о стиле этого до странности «тихого» дома рассказала мне 76-летняя Елизавета Никаноровна Кокина, бывшая горничная Войно-Ясенецких. Она прослужила у Войно-Ясенецких семь лет и даже побывала с ними в Ташкенте. Своих бывших хозяев вспо-

---

²³ Н. А. Софийский. Письмо из Балашово от 21.12.1970.

минала Елизавета Никаноровна через пятьдесят с лишним лет с глубокой нежностью. («Барин! Он! Ах, милые вы мои...») – воскликнула она, увидев фотографии доктора и его жены.) И вот развернулась передо мной жизнь этой семьи с 1911 по 1918 гг., жизнь, увиденная глазами неглупой и наблюдательной деревенской женщины.

Завтракал барин один в восемь утра. Обедать приезжал в пять. После обеда немного отдыхал. Потом в кабинете больных принимал. После вечернего самовара уходил к себе в кабинет. Пишет там, читает, пока весь керосин в лампе не выгорит. Часто его ночью в больницу вызывали. Молча соберется, едет. Никогда не сердился, если вызывали. «Он справедливый был», – несколько раз повторяет Елизавета Никаноровна.

Жили тихо. Раз в месяц приезжала игуменья знакомая из Федоровского монастыря, чайку попить. Большого ума была женщина. Да еще захаживал доктор Михневич с женой Софьей Михайловной. Они вместе в больнице работали. А больше никто не ходил. Воспоминания о жене Михневича почему-то поворачивают мысль Лизы в новом направлении. «Барин не мог видеть чужих женщин. Если бы он хотел – мог бы жениться на любой. Вон он был какой большой да пригожий. Но про это он и думать не хотел. Строг был». Вспоминалось Лизе и такое. Однажды в урочный час позвонила у дверей девушка, попросила провести ее к доктору. Через минуту в кабинете – шум, крик. Девушка выскочила в прихожую, да оттуда бегом на улицу. А Валентин Феликсович к барыне в комнату прошагал, сердитый, и там стал громко рассказывать, что девушка потребовала «нагулянного ребенка вытащить». Долго доктор не мог после этого успокоиться.

Старушка рассказала немудреную историю, которая приключилась в те годы с ней самой. В шестнадцатом году, двадцати двух лет от роду, сошлась она с парнем из своей деревни и понесла от него. Зная, однако, как не любит Анна Васильевна неправды, Лиза во всем ей повинилась. А повинившись, пошла собрать свои вещички: кто же станет ее держать при детях, такую гулящую... Идти, однако, было некуда. Мать в деревне ее и на порог не пустила бы с приплодом. Прошел день, другой, Лизу никто не гнал. А на третий, посоветовавшись с мужем, барыня предложила Лизе остаться и рожать у них. Покидая Переславль в 1917 г., Войно-Ясенецкие взяли девушку с собой в Ташкент²⁴.

А как относились в доме к детям?

С детьми, рассказывает Елизавета Никаноровна, барин и барыня очень ласковы были. Никогда их не наказывали, даже слова грубого не говорили. Только Мишу за баловство мать в чулан иногда ставила. Да скоро и выпускала. Про чулан Михаил Валентинович не помнит, но ласковый доброжелательный тон, принятый в семье, глубоко запал в его память. Развлечений, поездок, подарков в семье, однако, было мало. Как редчайшее событие вспоминается, что однажды отец катал детей на лодке. В первый раз увидели они: папа сильный, прекрасно управляется с веслами, хорошо плавает. Невелико чудо – доктору Войно-Ясенецкому в те годы не исполнилось и тридцати пяти лет. Таким же почти недостоверным подарком брезжит где-то в далеком прошлом семейное посещение кинематографа. Едва ли родители не хотели доставить детям удовольствия. За скудостью детских радостей угадывается скорее занятость отца и скудость материальных возможностей семьи.

«Мебель в Переславском доме была до последней степени неказистая, – вспоминает Михаил Валентинович. – Сбережений ни тогда, ни потом отец не имел». И как бы переключаясь с этим признанием, звучит певучий голосок Елизаветы Никаноровны: «Им, Ясенецким, форситься-то не из чего было. Вина, табаку в доме не держали, сластей тоже никогда не бывало.

---

²⁴ В «Мемуарах» Валентин Феликсович отметил этот эпизод всего одной фразой: «С нами ехала девушка-прислуга, недавно родившая ребенка».

Книг только по почте много шло. Книг было много. Ни в киятры, ни в гости они не ездили. И к ним редко кто ходил...»²⁵

Бедность годами держала семью в тисках. В 1913-м, после рождения четвертого ребенка, пришлось рассчитать кухарку. Весь год копили деньги на поездки Валентина Феликсовича в Москву для научных опытов, а потом в Киев – для сдачи докторских экзаменов. Денежные дела Войно-Ясенецкий всю жизнь считал малозначительными, но постоянная бедность и у него вырвала в конце концов строки раздражения. В 1914 г. в письме из Киева, жалуясь жене на плохое самочувствие и настроение, он добавляет: «Порче настроения помогает и пальто мое, которое как-то вдруг все больше стало расползаться и вытираться и постоянно напоминает мне о том, что у нас и гроша за душой нет. Товарищи по университету, которых я встречаю, все отлично одеты и все недовольны, что мало у них частной практики: всего на 250–300 рублей в месяц»²⁶

---

²⁵ Елизавета Никаноровна Кокина. Личное сообщение. Пос. Щелканка Переславского района, 12.03.1971. Москва, 24.04.1971.

²⁶ Письмо из Киева от 19 января 1914 г.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.